

Шерр Иоганн

История цивилизации Германии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И75

И75 **Иоганн Ш.**
История цивилизации Германии / Шерр Иоганн – М.: Книга по Требованию, 2026. –
655 с.

ISBN 978-5-521-31036-4

ISBN 978-5-521-31036-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

Въ этой книгѣ я имѣю въ виду представить въ первый разъ цивилизацію и бытовую жизнь нѣмецкой націи въ исторической связи, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до настоящаго времени. Я дѣлаю, слѣдовательно, смѣлую попытку — тутъ дѣйствительно есть смѣлость и эта книга можетъ быть только простою попыткою — нарисовать красками источниковъ общую картину культурной работы и жизни нѣмецкаго народа, и выставить эту картину на площади на пользу и въ назиданіе всѣмъ способнымъ ее понять. Жизнь все рѣшительнѣе приступаетъ къ наукѣ съ своими справедливыми требованіями и хочетъ того, чтобы результаты изслѣдованія передавались ей по возможности непосредственно. Признаніе этого факта рѣшило собою вопросъ о формѣ моего предпріятія: я не могъ и не хотѣлъ писать для кабинетовъ ученыхъ; я хотѣлъ — пусть мнѣ будетъ позволено выразить смѣлымъ словомъ мое желаніе — писать для всей націи. Я хотѣлъ написать народную книгу, впрочемъ, не въ тривіальномъ и часто употреблявшемся во зло смыслѣ этого слова. Моя опытность достаточно указываетъ мнѣ на то, что желаніе и способность узнать, прочитать и понять книгу, подобную этой, предполагаютъ уже довольно высокую степень образованности.

Приступая къ изложенію исторіи цивилизаціи и нравовъ моего отечества, я замѣчу предварительно, что мои изслѣдованія и изображенія не будутъ стѣснены его государственными границами. Исторія цивилизаціи народа никакимъ образомъ не зависитъ отъ

рѣшеній дипломатическихъ конгрессовъ. Поэтому я долженъ имѣть въ виду только естественныя предѣлы, указанные распространеніемъ языка, и называю Германію всю совокупность земель, лежащихъ въ средней Европѣ, и признанныхъ нѣмецкими по образу мыслей, по языку, по образованію и по обычаямъ. Поэтому я могу считать Вогезы и Альпы нѣмецкими границами, и вовлекать въ особенности нѣмецкую Швейцарію въ кругъ моихъ изслѣдованій. Страна, лежащая между Нѣмецкимъ, Балтійскимъ и Адриатическимъ морями, между Карпатами и Вогезами, между польскими лѣсами и голландскими болотами, между бернскими Альпами и ютландскими равнинами, *эта* Германія будетъ мѣстомъ дѣйствія моего разсказа.

Та мысль, что природа страны обнаруживаетъ сильное вліяніе на бытъ, характеръ и нравы людей, составляетъ общепризнанную истину. Устройство земной поверхности является одною изъ самыхъ значительныхъ и неизмѣнныхъ причинъ историческаго развитія націй; одинъ геологъ имѣлъ полное право сказать, что множество корней человѣческой и государственной жизни спускается глубоко въ недра земли.

Природа надѣлила Германію не слишкомъ роскошно и также не слишкомъ скупю. Если она не избавила ее отъ печальныхъ тумановъ, отъ снѣга и отъ мороза долгой зимы, то она дала ей съ другой стороны богатую цвѣтами весну, лѣто, доводящее плоды до зрѣлости, и свѣтлое, кроткое осеннее солнце. Переходъ отъ холоднаго времени года къ теплomu и обратно не рѣзокъ; онъ совершается постепенно, безъ скачковъ, вредныхъ для здоровья. За исключеніемъ немногихъ неплодныхъ полосъ, почва вездѣ даетъ земледѣльцу за его трудъ достаточное вознагражденіе. На необозримыхъ равнинахъ вѣтеръ колышетъ золотистыя волны колосьевъ, въ тучныхъ низменностяхъ растутъ въ изобиліи кормовыя травы, лѣса фруктовыхъ деревьевъ смѣняются благоустроенными огородами, и на холмахъ, пригрѣтыхъ солнцемъ, вьется виноградная лоза, составляющая главную отрасль богатства въ прибрежныхъ областяхъ Рейна, Майна и Неккара. Подземное богатство германской почвы также значительно. Пласты торфа и каменнаго угля готовы для удовольствованія одной изъ важнѣйшихъ человѣческихъ потребностей, цѣлебныя источники выбрасываютъ изъ глубины свои благословенныя струи, и богатые рудники открываютъ свои металлическія сокровища горнорабочему, который нападаетъ не только на роскошныя серебряныя жилы, но даже встрѣчаетъ кое гдѣ ча-

стицы золота. Еще не вымерли въ лѣсахъ Германіи благородный олень и стройная лапъ, хотя бизонъ, волкъ и медвѣдь истреблены успѣхами культуры. Безчисленныя стада наполняютъ наши пастбища, и въ рѣкахъ и озерахъ кишитъ чешуйчатое племя рыбъ. И природа доставляетъ нѣмцамъ не одно необходимое; удовлетворяя чуткому чувству нѣмецкаго народа къ звукамъ и краскамъ окружающаго міра, она позаботилась также о красотѣ и прелести. Германія съ своими горами и лѣсами, съ своими долинами и рѣками, можетъ назваться прекрасною страной. Разнообразныя формы ея поверхности доставляютъ ей то разнообразіе ландшафтовъ, которое такъ благотворно дѣйствуетъ на глазъ. Отъ высочайшихъ альпійскихъ вершинъ на югъ, страна постепенно понижается плоскогорьями и горными цѣпами средней и низшей высоты до болотистыхъ низменностей сѣверныхъ прибрежныхъ областей. Если Швейцарія, Тироль и Штирія обладаютъ величественною красотою альпійской природы, то прибалтійскія земли наслаждаются поэзіею моря. Швабія тѣшится граціозною лѣсною задумчивостію своего Шварцвальда, прирейнскій округъ своимъ романтическимъ величіемъ, Тюрингія идиллическимъ спокойствіемъ своихъ полей. Пустыри Вестфалии располагаютъ путника къ глубоко-мысленному созерцанію, горныя источники Гарца лепечутъ ему старыя преданія, на Гельголандѣ и Рюгенѣ дыханіе моря расширяетъ ему грудь, и могучій Дунай уноситъ его своимъ теченіемъ черезъ плодоносную Баварію въ веселую Австрію, мимо цѣлаго ряда картинъ, богатыхъ красками, полныхъ прелести и живаго разнообразія сценъ.

Всѣмъ тѣмъ, что дала природа, обитатели Германіи воспользовались прилежно и съ благодарностію.

Въ сельскомъ хозяйствѣ ни одна страна не превзошла Германіи, и немногія стоятъ съ нею наравнѣ.

Неутомимому трудолюбію и самоотверженной домовитости нѣмецкаго крестьянина слѣдуетъ приписать главнѣйшимъ образомъ превращеніе германской первобытной лѣсной глуши въ одну изъ самыхъ многочисленныхъ и плодородныхъ странъ земнаго шара. Какъ только историческое развитіе сдѣлало возможнымъ возникновеніе и усиленіе мѣщанства, мы видимъ, что оно рѣшительно и настойчиво двинулось по дорогѣ промышленной дѣятельности, и съ похвальною смѣлостію открыло себѣ пути торговли. Славу и гордость этого мѣщанства составляютъ нѣмецкіе города, поднимающіеся ты-

сячами среди безчисленнаго множества многояродныхъ деревень, украшенные соборами, галлереями и дворцами, наполненные всѣмъ, что придаетъ жизни высшую цѣну и обезпечиваетъ утонченныя наслажденія, связанныя между собою военными дорогами, каналами, желѣзными путями, на которыхъ паровая лошадь передвигаетъ громадные тяжести съ быстротою вѣтра, и тѣми столь же удивительными проволоками, по которымъ извѣстiя летаютъ взадъ и впередъ съ быстротою молнiи. Не одна природа, но и культура превратила Германiю въ прекрасную страну, и созданiя послѣдней въ высшей степени способны внушить новую бодрость человѣку, всего болѣе расположенному къ отчаянiю.

Германiя лежитъ между 23° и 37° восточной долготы, и между 45° и 54° сѣверной широты. Она обладаетъ, слѣдовательно, такимъ климатомъ, который одинаково предохраняетъ жителей отъ оцѣпенѣнiя сѣвера и отъ разслабленiя юга. Дѣйствительно, характеръ нѣмецкаго народа одинаково далекъ отъ всякихъ крайностей и обнаруживаетъ вообще счастливое смѣшенiе скандинавской силы и романской подвижности. Но, чтобы быть безпристрастнымъ, надо при этомъ упомянуть, что нѣмецкiй характеръ выражается съ одной стороны въ сѣверо-нѣмецкую упорную флегматичность, съ другой стороны—въ южно-нѣмецкое неповоротливое филистерство. Эти особенности могутъ, правда, объяснить, но не оправдать тотъ недостатокъ эластичности и энергiи, который слишкомъ часто замѣчается въ нѣмецкомъ народѣ. Тупая флегматичность и мелочное филистерство сдѣлались настоящими смертными грѣхами нѣмецкой нации, — а какъ часто и губительно чисто-нѣмецкiя добродѣтели — настойчивость и вѣрность,—обращались въ пороки закоснѣлости и раболопства — это доказывается всѣмъ ходомъ нѣмецкой исторiи. Также поразительно доказываетъ тоже исторiя, что нѣмецкая мысль, предаваясь комфортабельному самодовольству, къ сожалѣнiю, слишкомъ часто упускала изъ виду необходимость сочетаться съ живою народною силою, и произвести путемъ этого союза свой прекраснѣйшiй плодъ, дѣло; упоенные чарами идеи, нѣмцы слишкомъ часто и слишкомъ охотно забывали свой долгъ въ отношенiи къ дѣйствительности, которая въ свою очередь достаточно жестоко наказывала ихъ за это пренебреженiе. Нѣмцамъ не удалось установить между теорiею и практикою гармоническое взаимодѣйствiе, и поэтому другiе такъ часто собирали плоды, завязавшiеся изъ цвѣтовъ нѣмецкаго духа. Но изъ всѣхъ своихъ печальныхъ опы-

товъ, изъ всѣхъ своихъ неудачъ, униженій и страданій, ~~они~~ спасли вѣру въ идеалъ. Эта вѣра составляетъ основной тонъ ихъ исторіи.

Большое разнообразіе во внутреннемъ строеніи и во вѣншнемъ очертаніи почвы Германіи, даетъ намъ право видѣть въ разнообразіи нѣмецкихъ племенъ фактъ, созданный самою природою. Какъ цѣтъ въ Германіи государственнаго центра, столицы, такъ точно въ ней нѣтъ однообразнаго типа въ пониманіи и веденіи жизни. Какъ необыкновенно разнообразно нѣмецкое населеніе въ привычкахъ и обычаяхъ, въ устройствѣ жилья и въ костюмѣ, въ приемахъ сельскаго хозяйства и промышленности! Какое различіе въ характерѣ ландшафтовъ и въ атмосферическихъ условіяхъ между ледниковыми вершинами Альповъ и низменностями Одера, Эльбы и Везера, между рейнскою долиною и полями Силезіи! Какъ различны по образу жизни, по мыслямъ и по нарѣчію должны казаться наблюдателю тѣ жители, которыхъ онъ встрѣчаетъ, спускаясь внизъ по Рейну отъ рейнскихъ Альповъ до предѣловъ Голландіи, или внизъ по Дунаю отъ Шварцвальда до венгерской границы! Какъ страненъ долженъ казаться бранденбуржецъ швабу, швейцарецъ — голштинцу, житель рейнскихъ провинцій — уроженцу восточной Пруссіи, тиролецъ — фризцу! Выдающаяся черта нѣмецкаго характера, уваженіе и отстаиваніе личной самостоятельности, какъ въ недѣлимомъ, такъ и въ племенн, прежде всего другаго помѣшала нѣмцамъ сдѣлаться однородною націею, замкнутымъ въ самомъ себѣ народнымъ тѣломъ. Объ этомъ обстоятельствѣ можетъ сожалѣть патріотъ, который желалъ бы, чтобы его народу было отведено подобающее мѣсто среди народовъ Европы, или даже въ ихъ главѣ; но историкъ цивилизаціи съ своей стороны не долженъ упускать изъ виду, что изъ многочисленныхъ племенныхъ особенностей возникло множество образовательныхъ вліяній, что стремленіе къ свободному самоопредѣленію во всѣхъ условіяхъ матеріальной и умственной работы породило много разнообразныхъ теченій, что нѣмецкая обособленность отдѣльныхъ личностей и племенъ обезпечила за нѣмецкимъ геніемъ его самостоятельность, а нѣмецкой нравственности придала ея глубину и свѣжесть, и возбудила, наконецъ, между отдѣльными племенами то живое соперничество въ творчествѣ, которое все-таки обратилось на пользу національному цѣлому. Германія похожа на то удивительное индѣйское бапіановое дерево, которое пускаетъ свои вѣтви въ землю, чтобы онѣ, снова подняв-

шись къ верху въ видѣ стволонъ, поддерживали высоко въ воздушномъ пространствѣ общій вѣнецъ, чтобы каждая вѣтвь сохранила свою особенность, и чтобы всѣ онѣ, питаясь соками одного корня, соединялись въ общій организмъ. Нѣмецкій образъ мыслей оживляетъ все таки всѣ отдѣльными племена, и ихъ вѣнцомъ является единство въ царствѣ нѣмецкаго духа. Ближайшая задача настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы хранить это единство, приобретаемое цѣлыми вѣками мужественной и мучительной борьбы, обезпечивать его противъ всякой опасности, откуда бы она ему ни грозила, изъ за Альповъ-ли, изъ за Рейна, или изъ за Нѣмана, и все сильнѣе и сильнѣе проводить его въ сознаніе всего народа. Только при добросовѣстномъ выполненіи этой задачи надежды нѣмцевъ на государственное единство могутъ превратиться въ дѣйствительность.

Природу Германіи относительно устройства поверхности, характера ландшафтовъ и атмосферическихъ условій назвали не безъ основанія шероховатою. Въ наружности нѣмецкаго народа есть также что-то шероховатое, угловатое. Въ выраженіи лица нѣтъ южнаго огня, въ движеніяхъ и жестахъ нѣтъ французской быстроты и гибкости. Греческая красота профиля принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ исключеніямъ. Но, хотя въ низшихъ сословіяхъ трудная работа и гнетъ лишеній, а въ высшихъ — превратное воспитаніе и обезьянство моды во многихъ отношеніяхъ губятъ естественныя задатки тѣлесной красоты, однако нѣмецкій народъ не можетъ быть названъ некрасивымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ любимымъ нѣмецкимъ деревомъ является не дубъ, а липа — это доказываетъ вся нѣмецкая поэзія со временъ миннезенгеровъ до новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ — такъ точно и въ нѣмецкомъ лицѣ рядомъ съ рѣзкимъ и жесткимъ есть много нѣжнаго и мягкаго. Свѣтлые, гладкіе волосы, бѣлая кожа, нѣжный румянецъ, чистый и довѣрчивый взглядъ глазъ, обыкновенно высокій и выпуклый лобъ, отмѣченный печатью умственной силы, — все это смягчаетъ и облагораживаетъ рѣзкія, угловатыя и грубыя черты нѣмецкой фізіономіи. Весь типъ въ чертахъ и въ осанкѣ носитъ характеръ нѣмецкой задушевности и искренности, нѣмецкой сосредоточенности, но также и нѣмецкой нерѣшительности и склонности къ критическимъ сомнѣніямъ.

И какъ въ нѣмецкомъ лицѣ реальныя тѣни стоятъ рядомъ съ идеальными лучами свѣта, — такъ точно и въ нравственномъ ха-

рактёръ нѣмецкаго народа. Гёте выражаетъ чисто-нѣмецкую черту, заставляя своего Фауста жаловаться на то, что двѣ души живутъ въ его груди. Многосторонность нѣмецкой натуры ведетъ за собою многочисленныя раздвоенія и порождаетъ множество противорѣчій въ характерѣ. Можно подумать, что нѣмецкій геній не терпѣтъ на себѣ печати твердаго характера, и что колебанія и разорванность принадлежатъ къ кореннымъ свойствамъ нѣмецкой натуры. Нѣмцы не составляютъ замкнутой, однородной націи, и у нихъ нѣтъ также разъ на всегда готоваго національнаго характера. Припомнимъ однако при этомъ, что прозаическій человѣкъ гораздо легче и вѣрнѣе становится готовымъ и законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ человѣкъ, имѣющій въ себѣ зачатки геніальности. Французскій умъ можетъ быть подведенъ подъ казенную мѣрку, нѣмецкій — никогда. За то въ нѣмецкомъ народѣ поражаетъ недостатокъ одного преимущества, которымъ обладаютъ французы и еще болѣе итальянцы, — недостатокъ инстинкта красоты и художническаго чутія формы. Этотъ недостатокъ, мѣшающій живому дѣйствію поэтическихъ и художественныхъ произведеній на массы, обнаружилъ свое вредное вліяніе даже въ области нѣмецкой политики. Только народъ, лишенный чутія формы, могъ и можетъ переносить отвратительно уродливыя политическія комбинаціи, подобныя священной римской имперіи нѣмецкой націи и Германскому союзу.

Мы уже сказали, что идеализмъ составляетъ основное нѣмецкое настроеніе. Изъ него вытекаетъ несравненная смѣлость нѣмецкой мысли, нѣмецкое воодушевленіе къ благородному, прекрасному, великому, изъ него вытекаетъ также тотъ всеобъемлющій космополитизмъ, который порождаетъ самое великодушное участіе и справедливость къ другимъ народамъ, но которому одинъ великій поэтъ-патріотъ осповательно желалъ указать нѣкоторыя границы ¹⁾. Представьте себѣ теперь нѣмецкій идеализмъ въ высшихъ его проявленіяхъ въ поэзіи, въ философіи, въ воодушевленіи къ свободѣ, въ чувствѣ правды и въ космополитизмѣ, и рядомъ съ этимъ поставьте нѣмецкое филистерство, котораго бессмысленные глаза не видятъ и не хотятъ видѣть ничего за предѣлами горизонта, отрывающагося съ колокольни родимаго мѣстечка. Какая противоположность! — Нѣмецкая любовь къ родинѣ, конечно, привлекательна и прекрасна. Но рядомъ съ этимъ, пропитаннымъ поэзією, цвѣткомъ нѣмецкаго характера, растетъ ядовитое зелье партикуляризма, растутъ и множатся всѣ чужеродныя растенія, всѣ смѣш-

ныя стороны и пороки, свойственныя миниатюрнымъ государствамъ. Тоскливое стремленіе на чужбину — сколько зародышей образованія носитъ оно въ себѣ, и въ тоже время сколько зародышей порчи, когда оно выражается въ обезьянью страсть къ подражанію, и въ презрѣніе къ своему родному и домашнему. Слишкомъ охотно наслаждается нѣмецъ «свободою въ царствѣ мечты», и вмѣстѣ съ тѣмъ, остается въ дѣйствительности смиреннѣйшимъ и увы! сознательно несвободнымъ рабомъ, котораго патристическій гнѣвъ могъ бы заклеить, пародируя слова Гёте *). Какъ трогательна нѣмецкая преданность, но за то, какъ легко она превращается въ подобострастіе! Добродѣтель свободнаго самоопредѣленія имѣетъ также свою обратную сторону, — упорное зачерствленіе головы и сердца и ту «полютику единицы», которая изъ собственного я дѣлаетъ центръ вселенной, и сводится, наконецъ, къ самому низкому самокорыстію. Нѣмецкая семейственность, какъ она достойна похвалы въ своей чистотѣ и искренности. Какъ она любезна даже тогда, когда за предѣлами собственнаго дома, въ трактирѣ, старается удовлетворить потребности въ семейной жизни добродушнымъ бражничаніемъ, исполнѣ почитнымъ только нѣмцу! Но какъ часто гложетъ въ семейственности чувство гражданина, пониманіе общественной и государственной жизни! Въ мужественности, въ храбрости, въ воинственности еще никто не отказывалъ нѣмцамъ. На тысячѣ полей сраженія они доказали свою неустрашимость. Но печальною истинною остается то, что нѣмцы почти всегда проливали свою кровь изъ за чужихъ интересовъ. Если вѣрность въ частной жизни остается до сихъ поръ нѣмецкою добродѣтелью, то, какъ часто эта добродѣтель въ общественной жизни становилась баснею! Превосходно выражается нравственная сила нѣмецкаго народа въ работѣ и въ терпѣніи, въ самоотверженной борьбѣ съ житейскою нуждою. Но иногда вырывается также изъ умѣренной нѣмецкой натуры, въ видѣ порывистыхъ изверженій, подъ вліяніемъ еще непобѣжденной древне-германской страсти къ пьянству, ужасная вспыльчивость, берзеркерски-безсмысленная страсть къ дракѣ и къ разрушенію, наслѣдіе лѣсной первобытной дикости. И рядомъ съ этимъ стоитъ самая

*) Въ этомъ родѣ:

Человѣкъ родился, правда, чтобы быть свободнымъ;

Но для нѣмца высшее счастье состоитъ въ томъ,

Чтобы служить господамъ, которыхъ онъ любитъ или ненавидитъ.

разумная чувствительность, сострадательное милосердіе, заботливое участіе къ несчастному, къ чужому, къ животному, даже къ жертвамъ порока и преступленія. Наконецъ, въ нѣмецкомъ народномъ характерѣ соприкасаются также противоположности серьезности и веселости. Большою частью нѣмецъ серьезенъ, часто скрытенъ, нерѣдко расположенъ къ тоскѣ и къ угрюмости. И въ тоже время, какъ онъ можетъ быть откровененъ, сообщителемъ, смѣль, весель, радостенъ. Свою способность разумно наслаждаться природою, нѣмецъ дѣлитъ со всѣми отпрысками германской семьи народовъ, но только онъ одинъ знаетъ вполне, что значитъ наслаждаться «женщиной, виномъ и пѣснью».

Итогъ: гдѣ много свѣта, тамъ много и тѣни. Только жалкіе льстецы неразсуждающей толпы могутъ ей толковать, что нѣмецкая народность равняется совокупности всѣхъ добродѣтелей. Кто, умѣя смотрѣть глазами и слушать ушами, жилъ среди классовъ, которые преимущественно называются *народомъ*, тотъ отвѣтитъ насмѣшливою улыбкою на рассказы старыхъ пидиковъ и новыхъ сельскихъ повелителей о правдивости и добродушіи, о честности, вѣрности и добросовѣстности *народа*. Прекрасные и прекраснѣйшіе цвѣты нѣмецкаго духа, благородные и благороднѣйшіе плоды нѣмецкой нравственности растутъ и созрѣваютъ только въ кругу нѣмецкаго образованія. Чѣмъ нѣмецкая народная грубость и пошлость стоитъ выше англійской, французской, италіанской или русской, это могутъ объяснить только неразуміе или самообольщеніе. Когда въ былое время кардиналъ Гранвелла называлъ народъ просто *забornoю скотиною*, то это, безъ всякаго сомнѣнія, было съ его стороны поповскою глупостію. Но если въ наше время, въ нѣмецкихъ земляхъ, мягкосердечные фантазеры превозносятъ и восхваляютъ народъ, называя его *очень добродушнымъ*, то мыслящій и опытный человекъ, конечно, оцѣнитъ эту болтовню по достоинству.

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній я начинаю немедленно мой рассказъ. Пусть сказанное мною до сихъ поръ служить ручательствомъ, что онъ будетъ безпристрастенъ, хотя и крѣпко коренится въ патріотическомъ чувствѣ... Чтобы облегчить наглядность цѣлаго, я принимаю обыкновенное дѣленіе нѣмецкой исторіи на три періода: средніе вѣка, время реформаціи и новое время. Первый періодъ я характеризую ближе, какъ католико-романтическій, второй — какъ протестантски-теологическій, третій — какъ человѣчно-свободный. Въ изображеніи *древности* я бы желалъ представить по

возможности обновленное преддверіе моего историческаго зданія. Приглашая читателей войти, я позволю себѣ пожелать, чтобы онъ не могъ пожаловаться на недостатокъ патріотическаго чувства и исторической вѣрности. Мнѣ придется разсказать много печальнаго, горькаго, ужаснаго, но также и много высокаго, благороднаго, прекраснаго, славнаго. А въ неподкрашенной истинѣ исторіи заключается удивительная сила утѣшенія. Изъ ся серьезной книги слышится не только приговоръ неумолимаго судьи, но и вѣщій голосъ пророка.

